

НИ(Монг)
ТЭ
01

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ТУВШИНТОГС БЯМБАЖАВ

**ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА
МОНГОЛЬСКОГО И МАНЬЧЖУРСКОГО ЯЗЫКОВ
(историко-сопоставительный анализ)**

Специальность 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки, аборигенов Америки и Австралии
(стран Азии и Африки)

В дар библиотеки КИГи РАН.

СЛБ.

АВТОРЕФЕРАТ

14.04.05 г.

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2005

Работа выполнена на Кафедре монгольской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель –

Доктор филологических наук

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Официальные оппоненты –

Доктор филологических наук, профессор

НАСИЛОВ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Кандидат филологических наук

ЯХОНТОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА

Ведущая организация –

Калмыцкий институт гуманитарных

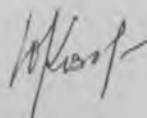
исследований Российской Академии Наук

Защита состоится «__» _____ 2005 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212 232 43 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.11, Восточный факультет, ауд. 167.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9).

Автореферат разослан «__» _____ 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Ю.В.Козлов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность предпринимаемого нами диссертационного исследования определяется в равной мере как общей значимостью проблемы генетического родства алтайских языков, аргументы в обоснование которого черпаются из лексических сходств, так и важностью исследования вопросов ареальных связей между отдельными группами алтайских языков и конкретными языками, принадлежащими к разным языковым группам.

Научная новизна работы в плане изучаемого материала состоит в максимально широком привлечении круга источников, отражающего лексику языка-источника, а именно монгольского языка, соизмеримого по времени существования со временем существования и функционирования маньчжурского письменного языка. В плане теории и методики сравнительно-исторических исследований элементы новизны данной работы состоят в комплексном характере методики изучения лексических параллелей при историко-сопоставительном анализе, конечной целью которого является возможность отграничить друг от друга явные заимствования и те лексические параллели, которые могут рассматриваться как принадлежащие общему лексическому фонду двух групп алтайских языков – монгольской и тунгусо-маньчжурской. Сказанным определяется и *теоретическая значимость* представляемой диссертации, в которой вырабатываются основные приемы историко-сопоставительного анализа, позволяющие переходить от сопоставительного анализа внешнего вида лексических единиц, их семантики и образуемых ими словообразовательных гнезд к сравнительно-историческому анализу, позволяющему надежно определять направление лексических заимствований или относить сравниваемые слова разных языков к общему словарному фонду этих языков.

Практическая ценность работы состоит в том, что содержащиеся в ней материалы, основные положения и выводы могут быть использованы в чтении учебных курсов по монгольским языкам и тунгусо-маньчжурским языкам, а также по сравнительно-историческому языкознанию на материале алтайских языков, и в перспективе при написании сравнительно-исторической грамматики алтайских языков, куда включались бы вопросы исторической

морфологии и исторической лексикологии монгольских языков, тунгусо-маньчжурских языков и алтайских языков в целом.

Объектом исследования в диссертации является глагольная лексика монгольского и маньчжурского языков, которая оказывается общей для названных языков. Выбор данного объекта не случаен – во первых, среди громадного количества монголо-маньчжурских лексических параллелей, принадлежащих к различным тематическим группам и относящихся к разным частям речи, от имен существительных до образных слов, было необходимо выбрать предмет с относительно ограниченным объемом и однородными словообразовательными и грамматическими свойствами, во-вторых, именно глагольная лексика представляет наибольший интерес для историко-составительного анализа в плане выяснения вопроса о характере лексических сходств и решения проблемы «общее наследие или заимствования».

Материалом для исследования послужил главным образом «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков»¹, в котором обобщена лексика маньчжурского и других тунгусо-маньчжурских языков, представленная в подавляющем большинстве источников, опубликованных до выхода данного словаря в свет; также были просмотрены словари монгольского языка, документирующие язык-источник заимствований, и основные словари маньчжурского языка, представляющие материал языка-реципиента заимствований.

Методы исследования. В процессе исследования применительно к языковому материалу преимущественно использовался сравнительно-исторический метод, также принимается структурно-лингвистический.

Апробация работы. Основные положения диссертации докладывались и обсуждались на расширенном заседании кафедры Монгольской филологии Восточного факультета Санкт Петербургского госуниверситета, на научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Веры Ивановны Цинциус (г. СПб, 2003), на международной конференции "Монголоведение в новом тысячелетии: К 170-летию организации первой

¹ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. (Материалы к этимологическому словарю) Отв. ред. В.И. Цинциус. т.1. А-Ц. Л. Наука. 1975, XXX+672 стр.; т. II, О-Э. Л.: Наука, 1977, 992 стр.

кафедры монгольского языка в России" (г. Элиста. 2003). По теме диссертации опубликованы три статьи.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений названий источников, языков и литератур. Структура работы всецело задается основными *задачами исследования*, которые заключаются в следующем: 1) Выявление состава и определение объема лексических сходств монгольского и маньчжурского языков в сфере глагольной лексики; 2) Историко-сопоставительный анализ словообразовательных гнезд одних и тех же глагольных лексем в монгольском и в маньчжурском языках; 3) Анализ распространения глагольных лексем, имеющих монгольские параллели, то есть лексем, предположительно имеющих монгольское происхождение, в тунгусо-маньчжурских языках за пределами маньчжурского языка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования и ее актуальность, определяются цель и задачи, дается характеристика материалов, научной новизны, научной и практической значимости.

Первая глава диссертации называется "*Монголо-маньчжурские параллели в глагольной лексике, их объем и лексический состав*" и посвящается анализу избранных нами материалов, общих для монгольского и маньчжурского языков, а именно – глагольных лексем.

Большое количество лексических параллелей было выделено Го.Мижиддоржом², по его приблизительным подсчетам – 1900 слов (за исключением явных заимствований из китайского, тибетского, тюркского и санскрита). Почти такой же результат представлен у В.И.Рассадиной в его статье, которая затронула лишь один вопрос – о тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках. В результате проведенного ими сопоставления лексики монгольских языков с лексикой тунгусо-маньчжурской выявилось большое

² Мижиддорж Го. Манж – монгол хэлний ижил язгуурт үгийн толь бичиг [Словарь однокоренных слов в маньчжурском и монгольском языках] // *Studia Linguae et Litterarum.*, т-II, fasc. 16. Улан-Батор., 1963. С.125-187.

количество (около 2-2,5 тыс.) общих словарных элементов³. В этой главе диссертации нами приведены около 410 слов, т.е. глаголов.

Собранный материал приводится в алфавитном порядке, поскольку именно такой порядок является наиболее удобным для фронтального историко-сопоставительного исследования и для сравнительно-исторических разысканий. Наблюдения показывают, что дальнейшее упорядочение этого материала по семантическим характеристикам и распределение его по лексико-семантическим группам мало что дает для его анализа, и, как представляется, может составить предмет дальнейших исследований. Пока же мы можем констатировать, что глагольные лексемы, общие для монгольского и маньчжурского языков, составляют часть тех же тематических групп, в которых отмечается наличие монголо-маньчжурских лексических параллелей, а эти параллели распределяются практически равномерно по всем сферам лексики маньчжурского языка.

Общая характеристика материала: Как и следует ожидать от языкового материала, который составляют заимствования, те глагольные лексемы, которые принадлежат к общему лексическому фонду монгольского и маньчжурского языка, по своему внешнему облику различаются весьма незначительно. Можно отметить, что глаголы, имеющие начальный согласный ф- в маньчжурском языке и начинающиеся с гласного в монгольском языке, представлены в своде единичными примерами - мо.: *iḡüge-* "желать блага", ма.: *фиру-* "заклинать, проклинать, делать беды другому, молить духов о счастье; благословлять"; мо.: *üde-* "провождать, сопровождать", ма.: *фудэ-* "провождать, сопровождать, препровождать что-л. отправлять приданое невесты" и т.д. Другие примеры расхождений во внешнем облике монгольских и маньчжурских глаголов единичны.

Семантическая характеристика материала: С точки зрения семантики собранный материал достаточно разнообразен, и нам приходится признать, что семантика глаголов, (общие корневые элементы в маньчжурском и монгольском языках) не дает однозначного ответа на вопрос о том, все ли эти глагольные лексемы являются заимствованиями из монгольского языка в маньчжурский. Действительно, в приведенном своде материала имеются

³ Рассадин В.И. О тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках //Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск. Наука. 1989. С. 145-152.

глаголы, связанные с сознательной деятельностью людей и с определенными занятиями, отражающими способы ведения хозяйства: мо.: abala-, ма.: abala- "охотиться", мо.: аytala-, ма.: актала- "кастрировать животных", мо.: aduyula-, ма.: адула- "пастись скот" и т.д. Другая группа глаголов, которая также может быть отнесена к культурной лексике, обозначает действия с предметами-артефактами. То есть объектами, изготовленными человеком, или изготовлением таких объектов: мо.: уanjuyala-, ма.: ганзухала- *приторачивать*, мо.: yoyuda-, ма.: гохоло- *зацепить крюком*, мо.: dabusula-, ма.: давсула- *солить* т.п. Третья группа глаголов, встречающихся в изучаемом материале – это глаголы, обозначающие действия человека по отношению к человеку: мо.: yajarçila-, ма.: газарчила- *быть проводником*, мо.: joli-, ма.: золи- / золдо- / зооли- *выкупать*, мо.: игüge-, ма.: фиру- *заклинать*, и др.

Принадлежность глаголов, имеющих общие корневые элементы в монгольском и маньчжурском языке, к какой-либо определенной тематической группе не позволяет судить о том, обязательно ли являются сходства в глагольной лексике результатом заимствований из монгольского языка в маньчжурский, поскольку выявленные сходства отмечаются в самых разных тематических и лексико-семантических группах. Очевидно, для решения вопроса об истории каждой лексической единицы в отдельности и выяснения причин фронтального проявления сходств в глагольной лексике монгольского и маньчжурского языков необходимо исследовать встречаемость тех же лексических единиц в языках, родственных маньчжурскому, то есть в языках тунгусской группы, и изучить морфологические характеристики глаголов с общими корневыми элементами, в обоих языках. Эти вопросы составляют предмет двух других глав работы.

Вторая глава диссертации носит название "*Сопоставительный анализ словообразовательных гнезд однокоренных глагольных лексем в монгольском и в маньчжурском языках*". В данной главе мы обращаемся к сравнительному рассмотрению словообразовательных гнезд однокоренных глаголов в монгольском и маньчжурском языках.

Рассмотрение морфологической парадигматики предмета нашего исследования – глагольной лексики монгольского и маньчжурского языков в качестве одной своей составной части включает рассмотрение морфемной структуры сравниваемых лексических единиц, для которых предполагается

!общность происхождения в широком смысле слова. Здесь под общностью происхождения слов мы понимаем в равной мере как принадлежность этих единиц к генетически общему лексическому фонду двух групп языков, так и вторичную общность лексического состава сравниваемых языков, при которой в одном языке (монгольском) слова являются исконными, а в другом (маньчжурском) – заимствованными. В этом случае объектом исследовательского внимания являются словообразовательные и формообразующие суффиксы, которые являются продуктивными в обоих рассматриваемых языках, обладают способностью к образованию новых слов и форм и характеризуются неограниченной сочетаемостью с корневыми элементами или производными основами. Другая область изучения морфологической структуры сравниваемых друг с другом монгольских и маньчжурских глаголов – это изучение морфемных последовательностей, из которых состоят данные глаголы, то есть корневых элементов и архаических глаголообразующих суффиксов, осуществляемое в рамках исторической морфологии. Однако этим – то есть морфологической структурой глагольных лексем на уровне синхронного словообразования и морфологической структурой этих же лексем в диахронии – задачи изучения морфологической структуры нашего материала не исчерпываются. Наряду с двумя названными выше проблемами интересной задачей историко-сопоставительного исследования является рассмотрение словообразовательных гнезд, которые образуют в сравниваемых языках глагольные основы, для которых предполагается общее происхождение. Заимствованные лексические единицы, как правило, имеют значительно меньшее количество производных форм, нежели исконные слова. Таким образом, при сопоставительном или сравнительно-историческом анализе открывается возможность использовать критерий количественной несоизмеримости словообразовательных гнезд сходно или одинаково звучащих лексических единиц в качестве одного из критериев определения заимствованного характера слов и установления направления заимствований. Важной характеристикой при изучении процессов заимствований является и то, какой состав имеют словообразовательные гнезда сравниваемых лексических единиц в двух языках. Здесь необходимо обращать внимание на то, наблюдается ли между ними совпадение только в составе заглавного слова, представляющего собой корень или производную основу с

минимальным количеством суффиксальных элементов, или же соответствия внутри словообразовательных гнезд распространяются на некоторые производные слова или формы. Если такое явление имеет место, то исследователь должен устанавливать причины совпадения производных слов в обоих сравниваемых языках. Таких причин может быть несколько.

1) Несомненно заимствованный характер производных единиц в одном из языков в том случае, если содержащиеся в них морфологические элементы однозначно определяются как принадлежащие языку-источнику и не являются продуктивными в языке-реципиенте.

2) Заимствованный с большой степенью вероятности характер производных единиц, если содержащиеся в них морфологические элементы имеют одинаковое звучание в обоих языках и характеризуются примерно одинаковой степенью продуктивности. В этом случае мы имеем большие реальные шансы встречаться с параллельными образованиями, которые весьма трудно отличить от заимствований, если вообще возможно или же для установления заимствованного характера слов в каком-то языке необходимо использовать какие-то другие критерии. В частности, такими параллельными образованиями может быть большинство отыменных глаголов, в изобилии встречающихся в монгольском и маньчжурском языках, которые образованы от сходно или одинаково звучащих имен существительных, которые также присутствуют в обоих языках (и которые, как и глаголы, также в большинстве своем представляют заимствования из монгольских языков в маньчжурский язык или относятся к общему монголо-тунгусо-маньчжурскому лексическому фонду). В качестве таких критериев могут использоваться специфическая фонемная структура слова, ареальные характеристики слова в языковой группе, морфологическая структура исходной производящей основы. Менее надежным критерием при установлении заимствованного характера слов и направления заимствований является принадлежность слов к «культурной» лексике.

В этой главе воспроизводятся некоторые словообразовательные гнезда однокоренных глаголов в монгольском и маньчжурском языках. Надо сказать, что среди них примерно 410 однокоренных глаголов монгольского и маньчжурского языков, свод которых был приведен в главе 1, далеко не все глаголы представляют интерес для настоящего раздела исследования, так как, по данным имеющихся словарей, довольно много глаголов не проявляют

заметной словообразовательной активности как в монгольском языке, так и в маньчжурском языке. Мы сосредоточиваем наше внимание на тех гнездах, которые по материалам словарей характеризуются, во-первых, сколько-нибудь заметным количеством производных форм, во-вторых, на тех гнездах, которые содержат дифференцирующие морфологические элементы, не совпадающие в сопоставляемых языках и представляющие интерес для исторической морфологии маньчжурского и монгольского языков.

Проанализированный материал с точки зрения морфологических свойств однокоренных монгольских и маньчжурских глаголов может быть разделен на несколько групп.

1) Непроизводные глаголы, полностью совпадающие по внешнему виду в монгольском и маньчжурском языках; мо.: abala-, ма.: abala- "охотиться", мо.: аytala-, ма.: актала- "кастрировать животных". Таких глаголов в нашем материале около 200, из них примерно 150 составляют производные, чаще всего отыменные глаголы, и примерно 50 – производные глаголы.

2) Глаголы, представленные в производной форме в монгольском языке, но имеющие разнообразные производные формы в маньчжурском языке; мо.: bayaji-, ма.: бая- "разбогатеть", ма. бацанда- "богатеть". Таких глаголов в проанализированном материале примерно 25.

3) Глаголы, имеющие морфологическое осложнение в монгольском языке, но представленные в более простом по структуре виде в маньчжурском языке; мо.: alqu- / alqula-, ма.: алка- "шагать". Таких глаголов в просмотренном корпусе материала также имеется около 25.

4) Глаголы, имеющие общий корень, но различное морфологическое распространение в монгольском и маньчжурском языках; мо.: albada-, ма.: албала- "служить, принуждать". Таких случаев выявляется около 50.

Проанализированные в данной главе работы словообразовательные гнезда глаголов показывают, что глаголы, образованные от одного и того же корня в монгольском и маньчжурском языках, довольно существенно различаются по своим морфологическим характеристикам и словообразовательному потенциалу. Как это и ожидалось в значительном по объему массиве материала, обобщенного в главе 1, примерно две трети от общего количества параллелей в глагольной лексике монгольского и маньчжурского языков составляют глаголы, совпадающие по внешнему облику

и по морфологической структуре. Именно этого и следовало ожидать от языкового материала, который традиционно рассматривался как лексические заимствования, причем заимствованные, имеющие одностороннюю направленность – заимствования из монгольского языка в маньчжурский язык.

Однако примерно треть изученного материала демонстрирует свойства, принципиально отличающиеся от той однородной в структурном отношении картины, которая предполагалась для односторонне направленных заимствований. Здесь могут быть выделены следующие соотношения между монгольскими и маньчжурскими глаголами в плане морфологической структуры:

- 1) Осложнение производной глагольной основы, заимствованной из монгольского языка в маньчжурский, продуктивными и высокочастотными словообразовательными суффиксами маньчжурского языка.
- 2) Присутствие в маньчжурском языке производной глагольной основы, которая в монгольском языке встречается только или преимущественно в сочетаниях с какими-то глаголообразующими суффиксами. Явно монгольский характер исходных элементов, составляющих корни таких глаголов, не позволяет считать такие случаи заимствованиями из маньчжурского языка в монгольский, как это можно было бы предполагать исходя из соотношения морфологической структуры сравниваемых глаголов.
- 3) Дифференцирующее различие монгольских и маньчжурских глаголов, наблюдающееся при оформлении этих глаголов различными словообразовательными элементами.

Как нам представляется, картина, наблюдаемая в сфере морфологической структуры однокоренных глаголов в маньчжурском и монгольском языках, должна иметь следующие логические объяснения, соотносительные с позицией исследователя по отношению к вопросу о родстве монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Если оценивать отношения монгольского и маньчжурского языков как отношения языков, представляющих генетически родственные группы языков, то полученная нами картина укладывается в рамки представлений о генетической общности и последующем независимом развитии двух групп языков, которое может быть обосновано лексическими примерами групп 2, 3, и 4, то есть группами, включающими морфологически различно оформленные глаголы, хотя бы эти группы языков и находились в

условиях контактов – свидетельством последних является большая часть примеров группы I, в особенности тех, которые относятся к производным словам. Если оценивать наблюдаемые лексические сходства, сопровождаемые объективно существующими морфологическими различиями, с позиций идеи о неродственности монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и относительно однонаправленного характера языкового и культурного влияния, а именно влияния монгольских языков на тунгусо-маньчжурские языки, исследователям придется постулировать чрезвычайно сложную пространственную и хронологическую картину взаимодействия разных языковых формаций, принадлежащих к монгольской языковой группе и южной, или маньчжурской ветви тунгусо-маньчжурских языков – эта картина должна быть столь сложной, что ее историческая реальность представляется крайне сомнительной.

Третья глава диссертации именуется *"Монголо-маньчжурские параллели в глагольной лексике на фоне монголо-тунгусских параллелей (ареальное распределение и количественные характеристики)"*. В этой главе рассматривается вопрос о том, как именно распространенность слов, предположительно имеющих монгольское происхождение, в тунгусо-маньчжурских языках, может свидетельствовать о его заимствованном характере, и какие именно ареальные характеристики слов с монгольскими эквивалентами в тунгусо-маньчжурских языках позволяли бы брать под сомнение заимствованный характер монголо - тунгусо-маньчжурских лексических параллелей. поскольку одним из эффективных и надежных приемов выяснения того, являются ли наблюдаемые лексические сходства в разных языках и разных группах языков следствием процесса массовых заимствований или же они восходят к общему лексическому фонду родственных языков, является изучение распределения сходно звучащих слов в нескольких языках или всех без исключения языках какой-либо группы.

В отношении изучения монголо-маньчжурских языковых связей интересующий нас вопрос находит довольно простое решение. Если монгольское слово имеет параллели только в маньчжурском языке и не имеет параллелей в тунгусских языках, то оно с почти стопроцентной вероятностью является заимствованием из монгольского языка, тем более, это слово совпадает с монгольским словом по внешнему облику и не проявляет признаков преобразований в соответствии с закономерностями исторической

фонетики маньчжурского языка от общетунгусо-маньчжурской праформы до известного нам маньчжурского слова.

Более сложными для анализа случаями являются те случаи, когда слово, имеющее параллель в монгольских языках, распространено также и в тунгусских языках. Здесь возможны несколько ситуаций:

1) Монгольское слово имеет параллели в маньчжурском языке и в эвенкийском языке (или в солонском языке либо в эвенкийском и солонском языках одновременно). В таких случаях нельзя исключать возможности, что данное слово было заимствовано в маньчжурский язык и в эвенкийский язык из разных монгольских языков и в разные временные периоды. Необходимо также иметь в виду, что в эвенкийском языке встречается немало слов монгольского происхождения, которые были заимствованы этим языком из якутского языка, в котором имеется большое число монголизмов. Однако заимствования из якутского языка (как собственно якутские слова, так и слова, заимствованные в якутский язык) надежно определяются на основании того, что они встречаются в диалектах эвенкийского и эвенского языков, распространяющихся только в пределах зоны якутско-тунгусских этнокультурных и языковых контактов.

2) Монгольское слово имеет параллели в маньчжурском языке и близко родственных между собой тунгусских языках Приамурья – нанайском, ульчском, орокском, а также орочком и удэгейском. В этих случаях можно предполагать, что такие слова заимствовались языками Приамурья из маньчжурского языка, то есть лексика монгольского происхождения проникала в эти языки при посредстве маньчжурского языка. При этом заимствованный характер слов будет определяться наиболее убедительно тогда, когда слово будет фиксироваться не во всех пяти названных выше тунгусских языках, а в одном или двух из них.

3) Монгольское слово имеет параллели как в эвенкийском языке, так и в тунгусских языках Приамурья. В таких случаях надо иметь в виду возможность заимствования слова из монгольских языков в эвенкийский язык и одновременное распространение его в языках Приамурья через посредство маньчжурского языка.

В первом параграфе этой главы рассматривается распределение глагольной лексики, общей для монгольского и маньчжурского языков и встречающейся в языках тунгусской группы, по отдельным тунгусским языкам.

Как видно из представленного свода, он включает несколько более 140 лексических единиц, что составляет несколько менее одной трети от общего количества глагольных лексем, общих для монгольского и маньчжурского языков. Таким образом, мы получаем первое подтверждение того, что связи монгольского и маньчжурского языков были более тесными, нежели связи монгольских языков и языков тунгусской группы. Количественные характеристики встречаемости глаголов, имеющих соответствия в монгольском языке и присутствующих в тунгусских языках, представлены в следующей таблице:

Язык	Количество глаголов	Оценка количества
Эвенкийский	99	1
Солонский	58	3
Эвенский	24	9
Негидальский	34	5
Орочский	29	7
Удэгейский	26	8
Ульчский	43	4
Орокский	30	6
Нанайский	57	2

Якутский 8

Больше всего глаголов, являющихся общими для монгольского и маньчжурского языков, отмечается в эвенкийском языке – таких глаголов мы насчитали 99, из них 8 глаголов встречаются также и в якутском языке. Это число вполне закономерно, поскольку многие диалекты эвенкийского языка испытали влияние монгольского и бурятского языков, а также влияние якутского языка, служившего посредником в распространении монгольской лексики на тунгусские языки.

На втором месте по количеству монгольских глаголов, зафиксированных также в маньчжурском языке, располагается нанайский язык, который испытал некоторое влияние со стороны маньчжурского языка. В нанайском языке отмечается 59 глаголов, общих для маньчжурского и монгольского языков.

На третьем месте стоит солонский язык. Однако расхождение в одну единицу (в солонском языке 58 таких глаголов, в нанайском – 59) не является принципиальным; здесь важнее учитывать другое – количество интересующих нас глаголов в солонском языке может быть гораздо большим, поскольку в «Сравнительный словарь тунгусо-маньчурских языков» вошли далеко не все известные нам ныне материалы по солонскому языку (этот словарь учитывает только материалы А.О.Ивановского и Н.Н.Поппе). На четвертом месте по количеству рассматриваемых нами глаголов находится ульчский язык.

Пятое место по количеству монгольских глаголов, заимствованных в маньчжурский язык и представленных в тунгусских языках, занимает негидальский язык. На шестом месте находится орокский язык. Этот язык входит в ту же подгруппу южной ветви тунгусских языков, что и нанайский и ульчский языки, хотя ороки достаточно рано – примерно в XIX веке – переселились на остров Сахалин, и контакты между ними и жителями континентального Приамурья стали с того времени нерегулярными и не слишком интенсивными. Седьмое и восьмое место по количеству глаголов, составляющих предмет нашего исследования, занимают соответственно ороцкий и удэгейский языки. Эти языки образуют особую подгруппу внутри тунгусских языков южной группы, и в этой подгруппе проявляются как черты северной группы тунгусских языков, так и черты южной группы.

Наконец, девятое место в списке языков занимает эвенский язык. В нем отмечено всего 24 таких глагола, причем только два глагола могут быть заимствованы в эвенский язык из якутского языка. Эвенский язык, носители которого занимают крайний северо-восточный ареал распространения тунгусских языков, никогда не контактировал ни с монгольскими языками, ни с маньчжурским языком, поэтому число сходств в интересующей нас лексике у этого языка с другими языками и является минимальным.

Полученная нами картина не противоречит представлениям о контактировании носителей тунгусских языков с носителями монгольских языков и о контактах тунгусских народов с маньчжурами на территории Приамурья. Количественные характеристики материала в общем подтверждают известные представления об интенсивности языковых контактов и объеме заимствований.

Интересные наблюдения можно сделать в области морфологической структуры глаголов, которые являются общими для монгольского языка, маньчжурского языка и тунгусских языков.

Продолжая наши исследования монголо-тунгусо-маньчжурских связей в сфере глагольной лексики, мы попытаемся рассмотреть, какое количество глаголов, заимствованных из монгольского языка, встречается в языках тунгусской группы при том условии, что для них не отмечены параллели в маньчжурском языке. Сравнительные подсчеты встречаемости монгольских глаголов, не имеющих маньчжурских параллелей, в тунгусских языках:

Язык	Количество глаголов	Оценка количества
Эвенкийский	103	1
Солонский	49	2
Эвенский	22	4
Негидальский	13	6
Орочский	11	7
Удэгейский	9	9
Ульчский	14	5
Орокский	10	8
Нанайский	23	3

Распределение этих глаголов оказывается несколько иным, нежели распределение тех глаголов, которые встречаются в маньчжурском языке, но в целом эти данные не слишком расходятся с данными, полученными ранее. Как и в предыдущей таблице, эвенкийский и солонский языки имеют наибольшее количество монгольских глаголов по сравнению с другими языками, а третьим по количеству монгольских глаголов оказывается нанайский язык. Несколько странным выглядит то, что на четвертом месте по количеству интересующих нас глаголов оказывается эвенский язык, который должен быть наименее монголизированным, тем не менее в нем обнаруживается 22 монгольских глагола, из которых на счет влияния якутского языка может быть отнесен только один. Количественные данные эвенского языка разделяют позиции нанайского и ульчского языков в отношении объема монгольских глаголов.

Однако же цифры по эвенскому и нанайскому языкам различаются всего на одну единицу, что не является существенным. Гораздо более значимо то, что данные по нанайскому и ульчскому языкам оказываются и количественно, и пропорционально близкими друг к другу: те и другие данные укладываются в соотношение 3:2. Негидальский язык, как и в предыдущей таблице, занимает место, следующее за двумя вышеназванными языками, его количественные характеристики в отношении объема монгольских глаголов не зависят от того, имеются ли отмечающиеся в нем монгольские глаголы в маньчжурском языке или не имеются. Следующие за ним две позиции делят орокский и ороцкий языки, что также вполне понятно – орокский язык по объему монгольских глаголов занимает последнее место в своей подгруппе южнотунгусских языков в сравнении с нанайским и ульчским языками, а ороцкий и удэгейский языки, которые ряд авторов объединяют в ороцко-удэгейскую подгруппу, вообще имеют минимальный объем параллелей своего словарного состава с лексикой монгольских языков.

Исходя из полученных нами данных, можно сделать следующий вывод – маньчжурский язык мог играть роль языка-посредника при распространении заимствованной монгольской лексики в тунгусских языках, особенно в языках тех народов Приамурья, которые живут непосредственно на берегах Амура. Однако такой статус маньчжурского языка не играл особой роли в распространении монгольской лексики в тунгусских языках, особенно в языках северной подгруппы и большинстве диалектов эвенкийского языка. Характер морфологической структуры монгольских глаголов, отмечающихся в тунгусских языках, несколько отличается от того, что мы видели в монголо-маньчжурских параллелях среди глагольной лексики. Здесь мы наблюдаем гораздо меньшее количество глаголов, различающихся морфологически между монгольским языком, маньчжурским языком и тунгусскими языками. Эти наблюдения позволяют говорить о том, что объем явных заимствований в этой группе материала должен быть значительно большим, нежели среди монголо-маньчжурских параллелей в области глагольной лексики.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, делаются обобщающие выводы. Проведенное исследование показывает, что в общем объеме монголо-маньчжурских лексических сходжений глагольная лексика занимает значительное место (и мы можем насчитать около 410 монголо-маньчжурских

параллелей среди глаголов). Среди этих глаголов встречаются как непроизводные глаголы, так и производные глаголы. Довольно значительное место среди монголо-маньчжурских параллелей в глагольной лексике составляют отыменные глаголы, которые могли заимствоваться в маньчжурский язык параллельно с соответствующими именами существительными или же образовываться в маньчжурском языке по монгольским образцам с использованием собственно маньчжурского морфологического материала.

Кроме того, глаголы, общие для монгольского и маньчжурского языков, принадлежат к разным тематическим и лексико-семантическим группам и рассредоточены по всем сферам лексики.

В отношении морфологической структуры глаголы, общие для монгольского и маньчжурского языков, очень неоднородны и они распределяются по своему соотношению на четыре группы, покрывающие все логические возможности соотношения производящих и производных основ в сравниваемых языках. Если же признать, что лексические сходства монгольских и тунгусо-маньчжурских языков объясняются и как следствие исторической общности словарного состава по причине генетического родства алтайских языков, и как результат позднейших непосредственных и опосредованных контактов, наблюдаемая картина получит непротиворечивое объяснение, хотя общеалтайская реконструкция по-прежнему будет нуждаться в дополнительных обоснованиях и уточнениях.

Анализ распространения глагольной лексики монгольского происхождения в тунгусских языках показывает, что маньчжурский язык занимает первое место среди тунгусо-маньчжурских языков по количеству имеющихся в нем монгольских глаголов. Несколько меньшее количество таких глаголов отмечается в эвенкийском и солонском языках, как и маньчжурский язык, контактировавших с монгольским языком и языками монгольской группы (в частности, с бурятским).

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Тувшинтогс Б.

Отрицательная форма глагола в монгольском и маньчжурском языках //Айтса -
I. Улан-батор.: 2001. С.150-161.

Тувшинтогс Б.

О нескольких маньчжурских словах в современном монгольском языке
//Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения
профессора Веры Ивановны Цинциус. (13-14 октября 2003 г.). СПб.:
Наука, 2003. С.216-218.

Тувшинтогс Б.

Буддийские термины в монгольском и маньчжурском языках //Монголоведение
в новом тысячелетии. (К 170-летию организации первой кафедры
монгольского языка в России.) Материалы международной научной
конференции (22-26 сентября 2003 г.) Элиста, 2003. С.12-14.

Подписано в печать 07.04.2005 г.
Формат 60 x 84 1/16
Усл. печ. л. 2. Тираж 100 экз.
Заказ №

Отпечатано в копировально-множительном центре
Восточного факультета СПбГУ
199034, Санкт-Петербург, В.О.
Университетская наб., д.11

